

*Если заглянуть поглубже, нет такого слова,
которое можно было бы понять до конца.*

Поль Валери

У каждой творческой личности есть то место, из которого он черпает вдохновение. Для одних это тихое побережье, для других скромный домик в деревенских окрестностях. Для Джона Толкина, подарившего нам удивительный мир Средиземья, этим местом является сказочный лес Пазлвуд, расположенный в графстве Глостершир, Англия. Любого, кто входит в этот лес, с первого же шага охватывает впечатление, что за ним отовсюду наблюдает множество фантастических существ. Это место настолько необычно, что даже самый закоренелый скептик может поверить, что на его опушках встречаются лесные эльфы, хоббиты и гномы. Ну а название Puzzlewood, которое можно перевести дословно как «Загадочный лес» – лишнее тому подтверждение. И его название наилучшим образом описывает то, что можно там увидеть. Густой мрачный лес с вывернутыми наизнанку могучими корнями деревьев, огромными ветками, скользким мхом и скрипучими деревянными мостками разделяют бурные

водные потоки. Так выглядят «живые мосты» в Индии. И русский дух летает надо всем:

*Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...*

*Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой...*

Известно, что такой лес очень полюбился Джону Р. Р. Толкину и Джоан Роулинг. Писатели много времени проводили среди этих могучих и тёмных деревьев, которые и вдохновили их на создание образов сказочных лесов в произведениях «Властелин колец» и «Гарри Поттер».

Имя английского учёного, писателя-сказочника, профессора Оксфордского университета Дж. Р. Р. Толкина широко известно во всём мире. Многие знают его в основном по трилогии «Властелин Колец» и детской прелюдии к нему – сказочной повести «Хоббит, или Туда и обратно». Но эти книги – всего лишь вершина айсберга, большая часть которого представлена монументальной историей Средиземья, состоящей из двенадцати томов и обрамлённой ещё дюжиной книг, весьма далёких от привычных нам литературных произведений. Словари и грамматики «изобретённых» эльфийского, гномьего и орочьего языков, мифы о сотворении мира, карты, песни и предания различных волшебных народов, географические и философские трактаты – всё это явилось результатом долгих исследований автора и размышлений о природе мифа и его роли в современной культуре, а в дальнейшем стало фундаментом для создания знаменитой трилогии.

Литературное наследие Дж. Толкина уникально, поскольку непосредственно связано с его научной работой и преподаванием. Книги Дж. Толкина, включая «Хоббита» и «Властелина Колец», в художественной форме знакомят читателя с основами сравнительно-исторического языкознания и мифологии, существенно расширяя горизонты знаний.

Но его книги – это не просто механическое соединение мифологических образов разных времён и народов. Это сложнейшая реконструкция того общего, что есть во многих мировых культурах, реконструкция с постановкой фундаментального вопроса о смысле человеческой жизни и отношении Человека к окружающему миру.

Многие волнующие вопросы вы сможете решить на заседаниях историко-литературного клуба «Эленарда», посвящённого творчеству английского писателя и филолога Дж. Р. Р. Толкина. Клуб ведёт кандидат филологических наук, специалист по древним языкам, научному и литературному наследию писателя, ведущий библиотекарь Новосибирской государственной областной научной библиотеки Соснин Евгений Викторович. В 2011 году Евгений Викторович защитил диссертацию, которая стала одним из первых серьёзных и оригинальных опытов обращения к наследию английского классика в русской филологической науке и внесла существенный вклад сразу в несколько лингвистических дисциплин – теорию языка, этимологию, германистику, лингвистическую поэтику и философию языка (есть отзыв старшего научного сотрудника Института языкознания РАН (Москва), кандидата филологических наук В. В. Фещенко). Мы не будем говорить о языках древних, философски углубляясь в теорию, но испытываем особое желание, в связи с кратким экскурсом в творческий метод великого английского писателя, познакомиться со сборником стихов «Эфемериды»

Евгения Соснина (Новосибирск, ГАУК НСО НГОНБ, 2021. – 350 стр.). Это образный поэтический дневник, начатый в далёком 1989 году, когда у автора проснулся интерес к древним языкам и к творчеству Толкина. Стихи в сборнике расположены в хронологическом порядке и отражают развитие интереса к изучаемым предметам. Вторая часть «Фрагменты избранного» объединяет устойчивые темы, к которым автор неизменно возвращался в течение тридцати творческих лет.

Первое стихотворение он написал в пять лет, оно было о Великой Отечественной войне, четверостишие, так, белый стих. Но история, рыцари, борьба с фашистской нечистью почти полностью поглотили молодого человека, пока он не встретил в 13 лет книжки Дж. Толкина («Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец» и «Сильмариллион»). В школе увлёкся поэзией К. Бальмонта, а от отца ещё остался телескоп и тяга к астрономии. В детстве Евгений Викторович мечтал стать космонавтом, его жизненное кредо – «Всё остаётся людям».

На вопрос журналиста Анны Жуковой, сколько же языков он знает, кандидат филологических наук, Евгений Викторович, точно не ответил – это и древнееврейский, и древнеисландский, и староанглийский, финский, аккадский, а также эльфийские языки – квенья, синдарин... Ещё в школьные годы он прочитал «Эдду» в оригинале. «Меня больше всего печалило, что со стороны научной общественности Толкин как-то не очень проявлялся: среди германистов на него почти не было ссылок. Я посвятил Толкину свою диссертацию... Считаю, что мой интерес к Толкину получил качественное завершение. Я прошёл все этапы общения с этим писателем и провёл такую серьёзную черту, хотя когда её подвёл, открылись новые горизонты. В восемьдесят девятом году, заканчивая школу, прочитал «Властелина колец», и у меня произошёл

резкий сдвиг в сторону древних языков. Во время перестройки на нас обрушилась волна мистики, поэтому я увлекался тогда паранормальными явлениями, собирал подшивки и что-то сочинял на эту тему». Всё это (звёзды, эльфы, древние языки) определило дальнейшее творчество учёного и поэта. Хотя он осознаёт, что гражданской лирики маловато, философия есть, но она ещё туманна, а вот символизма и мифологии, опыта стихосложения на разных языках – предостаточно. Являясь специалистом по англосаксонской литературе и языку, он реализует свои познания в области истории, древних языков и мировой культуры. Его филологические изыскания наполняют собственный волшебный мир аллюзиями из средневековых легенд, древних манускриптов и эпоса.

В произведениях Толкина черпали своё вдохновение многие литераторы. И Евгений Соснин не был исключением. Поэтому, чтобы войти в стихотворный мир поэта, следует, на мой взгляд, кратко поговорить об особенностях любимого писателя, узнать о полученном очаровании, в котором находится стихотворец многие годы.

Любой исследователь творчества Толкина сталкивается с очевидными сложностями. «Властелин колец» кажется открытым любой литературоведческой интерпретации: биографической, фрейдистской, юнгианской, морально-философской, структуралистской... Произведение Толкина удивляет (или отталкивает) безыскусностью стиля, простотой моральных конфликтов, игнорированием интимно-сексуальной сферы жизни, отсутствием глубоко разработанных женских образов – то есть, лишено многих черт современного романа, считающихся сегодня едва ли не обязательными для высокохудожественной прозы. У писателя – грандиозная индивидуальная мифология, опирающаяся на традиции северных преданий, рыцарского эпоса, «средневековых»

стилизаций. Он не приемлет сугубо технического прогресса, уничтожающего природу (а с нею – и весь мир). Толкин стремится к восстановлению неких изначальных морально-этических ценностей, утраченных – на его взгляд – современным человеком и литературой новейшего времени. «Ценность мифа состоит в том, – пишет его друг К. С. Льюис, – что он берёт все те вещи, которые нам известны, и возвращает им их богатейший смысл, скрытый за налётом повседневности. Помещая хлеб, золото, коня, яблоко в миф, мы не удаляем их от реальности, а заново открываем их». Для того, чтобы остаться в созданном автором Втором Мире, считает Толкин, необходима не негативная обстановка недоверия, а позитивная форма «Второй Веры», являющейся продуктом авторского искусства. В тот момент, когда недоверие возрастает – очарование гибнет, волшебство и само искусство исчезают. Вы снова находитесь в Первом Мире, а перед вами Второй Мир снаружи, но он мёртв.

Продолжая традицию немецких романтиков, Толкин видит в фантазии некую «магическую силу», способную преобразовать мир, когда привычные, банальные вещи, окрашенные ореолом «чудесного», обретают новое звучание: «в любых волшебных сказках использованы какие-то простые и фундаментальные вещи, не тронутые фантазией, однако в рамках целого эта простота начинает сиять новым светом». Это внутреннее изменение предметов и явлений связано со способностью слова к комбинированию и варьированию, когда сочетание вещей порождает новые значения. (Стихи «Железный лес» у Соснина 27.02.1992. и с таким же названием 31.10.2019.)

Фантазия создаёт вторичный мир, странным образом трансформируя мир реальный и всё, что в нём, соединяет по-новому части существительных и придаёт прилагательным

новый смысл. Присоединяя необычное прилагательное к привычному понятию, Толкин добивается сказочного эффекта: обычное слово начинает «играть», по-новому проявляя свою сущность. Так возникают «зелёное солнце», «эльфийский плащ», вбирающий в себя оттенки всех цветов природного мира. Цветовая характеристика сказочных названий и имён открывает новые аспекты толкования.

У Джанни Родари есть термин «Бином фантазии», раскрывающий сущность процесса создания сказочного образа: РЕАЛЬНОЕ + РЕАЛЬНОЕ = ЧУДЕСНОЕ. Так, например, рождаются царевна-лягушка, баба-яга, кентавр и т.д. У Толкина таких образов множество, один из них – хоббит (от homo – человек, лат. и rabbit – кролик, англ.). Сталкивая эти два понятия, Толкин добивается эффекта «чудесного». Раскрывая сущность нового образа, Толкин использует многозначную семантику каждого отдельного понятия, выстраивая и соединяя ассоциативные ряды. КОЛЬЦО – один из универсальных образов в поэтике Толкина, несущий огромную смысловую нагрузку.

Дж. Р. Р. Толкин доказал всему миру, что фантазия может оказывать огромное воздействие на ум и душу многих людей, заряжая их энергией созидания и стремлением преобразовать существующую реальность. Для него фантазирование не означает полный разрыв с реальностью: это способность к более полному постижению мира. Толкин считает, что отчуждение несёт горечь разочарования и ощущение пустоты; абстракционизм и схематизм современного искусства лишь усугубляет осознание абсурдности мира. Фантазия, по мнению Толкина, даёт человеку ощущение полноты бытия и радость созидания и в то же время помогает увидеть красоту в самом обыденном. Писатель населяет свой мир многочисленными героями и существами. Список действующих лиц, чудовищ и прочих существ насчитывает более 600 имён.

Страна эльфов германских и скандинавских народов, ирландские сказания, Гиперборея и сад Гесперид греков, Аваллон кельтов, библейский Эдем и многое другое увлекло Е. Соснина, привело его к собственным открытиям. «Песни детства» наполнены священными атрибутами древних мифов кельтов: меч, камень, копьё, железный лес, кольчуга, щит, цветущий остров... Воспеты предсказания героя, его Эльфийская звезда. «И ясный животворный свет, / Предвечную пронзая мглу, / В прекрасный мир сквозь сумрак лет, / Зовёт Бессмертных поутру». Не состарят Эльфа годы, «Пока в полях мерцает он, / Земля не погрузится в сон, / И Эльфы не уйдут навек, / И будет добрым Человек!»

Образы далёких кельтов, пришедших во второй половине 1-го тысячелетия до новой эры на «зелёный остров» (по мнению Н.К. Рериха из Центральной Азии, из Тибета), «скитальцев звездоносных», всплывают во многих поэтических строках: «Они не остаются на земле, / Растерзанной руками Человека, / Где зелени в мертвящей чёрной мгле / Становится всё меньше век от века». Своеобразный дневник наполнен миром волшебных сновидений, в нём «сладок сон ночных небес», «блещут в сумраке небесном / Звёзды отсветом чудесным», «И говорят, что на краю Земли, / В белёсой дымке сказочного моря, / Плывут на Юг эльфийские ладьи, / Плывут и исчезают на просторе».

Действительно, творчество символистов (а Бальмонт один из них!) основано на идее о двух мирах: реальном и нечеловеческом мире, который можно разглядеть, если внимательно присмотреться к обыденным вещам. Непознаваемый человеком мир находится за рамками понимания и обладает божественным началом. По мнению приверженцев литературного течения (правда, Соснин, мне кажется, к таким не относится), лишь избранные могут увидеть скрытые знаки и передать их другим людям через произведения искусства.

Автор, однако, постоянно находится «между сном и явью». Сон, грёзы, сумерки, закат, луна, вода («Линвион», «У пруда», «Звёзды над водами») и другие многозначные понятия-символы закономерно встречаются во многих стихах сборника. «Я» бесконечно, «до скончания времён» готов слушать «мелодическую трель окситанских напевов», что споёт «дивный мой менестрель в лёгком девичьем платье». «Сладок слов мне воскресших чарующий плен!» Любовь героя земная, она не в облаках, она рядом, в стихах: «Моя любовь», «Одна звезда», «Ты выбрала», «Подруге детства», «Кансона о любви». У трубадуров обычно всё сводится к описанию сладостного и мучительного томления поэта по замужней Даме, стоящей к тому же выше его по положению. Но Дама сурова и неприступна. Ситуация эта до бесконечности варьировалась из кансоны в кансону. Новаторство же их заключалось в том, что впервые в европейской словесности они решились отождествить это благо не непосредственно с богом и не с Девой Марией, а с идеализированной женственностью, воплощающей высшие духовные ценности в образе Дамы. Поклоняясь Даме, как божеству, поэт в то же время был «верен» ей и «служил» как вассал своему сеньору, а Дама, со своей стороны, «покровительствовала» трубадуру, «защищала» его и награждала традиционными дарами (кольцом, шнурком) или ритуальным поцелуем.

Сибирский трубадур далёк от «сладостного томления», его чувства простые, естественные, тёплые:

*Ты будешь песни петь у колыбели
На древнем позабытом языке,
А я следить, чтоб щипки не подгорели
И чтоб была картошка в рюкзаке.*

---

*Звездой спускаясь с ткани мироздания,
Туманный шёлк сорвав с красивых плеч –
Небесное пречистое создание! –
Чтобы со мной, со мной одним возлечь.*

*И буду ждать я каждого рассвета,
Чтоб отвести ребёнка в детский сад,
Чтоб вырос он и со звездою где-то
Ушёл своей дорогой на закат.*

«Земную жизнь, пройдя до половины» (дантовский мотив!),
ощутив себя в сумрачном лесу, влюблённый Эльф почувствует себя счастливым, когда ты

*Пройдёшь легко сквозь зеркало в прихожей,
Погасишь свет – звезде он ни к чему!
И прикоснёшься влажной белой кожей
К моим устам и к моему челу.*

«Хоть бездна также вся звёзд полна, / Запала в сердце
Звезда одна, / Что свет не меркнет в потоке дней, / Что всех
прекрасней и всех светлей»,

*Во сне упала она с небес
Ко мне упала в Дремучий лес,
В глубокий омут в лесной глуши,
Где, кроме духов, нет ни души.*

«А может, в лапах её согрев / И в шкуру волчью её одев, /
Клыками волка украшу грудь, / Чтоб мордой волчьей к груди
прильнуть».

Образы «луны», «волка» особенно примечательны в творчестве не только у символистов, здесь тайна, мистика, очарование приходом нового, неизвестного, трагического... Все праздники кельтов связаны с лунным календарём, войска Чингисхана ждали Луну, в это время появлялись вампиры,

оборотни. (Стихи «Рождение Вампира», «Рождение Оборотня»). Но вампир в стихах («На чьей ты стороне?») у Соснина – «владелец денег и бумаг, / Особняков, охотничьих собак, / Всегда изыскан, вежлив, утончён, / Начитан и по-своему умён». Превращаясь в волка, герой очищает грешный мир, идёт «в обличье волчьем город сторожить», именно «дорогой снов несётся волчья стая / От Леса до ворот земного Рая». «Сам вожак дал сыну имя – Волкодлак. Медвежий рост и волчья стать, / Но ликом был похож на мать – / Ту, что погибла от клыков Вампира». Вечная борьба Добра и Зла подводит к неизбежному выводу: «И если где-то есть Вампир, / Там Волкодлак приходит в мир».

Волк у кельтов был одним из почитаемых животных, причём это относится и к кельтам континентальным, и к островным; два названия, связанные с волком, встречаются во многих топонимах в Ирландии и Англии, например, «Волчья равнина», «Волчий хребет». Сохранилось немало изображений волков в кельтской традиции – волк есть на Котле, на континенте были монеты с изображением волка, пожирающего солнце, под лапами которого находятся изображения орла и змеи, а волчьи зубы, кости и черепа нередко находили в мужских захоронениях. Волк, вероятнее всего, ассоциировался с воинами и королями, которые должны были обладать «волчьими» качествами: храбростью, силой, умом, умением «организовать стаю». Барбал – мифический гигантский волк, его тень видится в стихах «Люди и звери», «Волчья воля», «Приход сумерек», «Тени». Не удивляешься признанию героя: «Так спорят Волк во мне и Человек». Вспоминается Мандельштам:

*Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...*

Отдельный сюжет кельтского мифа – это тема оборотничества, превращения в волков. На основании этого сюжета обычно предполагают, что волки ассоциировались с потусторонним миром. Образ волка и охотничьего пса в кельтских легендах порой сливаются, и трудно отделить одного зверя от другого. Кельты устилали полы в своих домах волчьими шкурами и использовали их в качестве накидок. Это всё в той или иной степени надолго увлекло Евгения Соснина и привело его к однозначному выбору в судьбе поэта: «Нельзя нам спать в тревожной этой мгле, / Когда так много зла на всей Земле!» Но за блестящей красотой, вдали от шумных городов, когда мечта уносит «Я» в мир грёз и песнопений, слышится «волчий хор», «оружья звон, предсмертный стон», свет-Буривой ведёт на битву дружину, «И мчится, бушуя, и ночью и днём Река, что зовётся Рекою Времён».

*Каждый век налагает на жизнь свой закон
И людей пожирает, как будто дракон,
Но останется слово, пройдя сквозь века:
Зло должна покарать правосудья рука!*

Многие темы – сна, странствий пилигрима, рыцарства, бессмертия, любви, верности, гибели героя, короля – развиваются в «Песнях юности», «Фрагментах избранного». Безмерную отвагу, преданность выбранному пути находим в стихотворениях «Чёрный меч», «Мёд поэзии», «Остров». Стихи всё больше полнятся славными именами: Манавидан, Луг, Тарион и Таризель, Ардалион и Ардаризель. Лирика постепенно взрослеет исторической памятью, сердце Эльфа не угасло «В ясном блеске Эльвалира», оно станет «обнажённым светом», и к нему устремятся люди, «что остались на Земле». Так «перворождённый» хотел бы «тайком уходить / В лес осенней порой», «увидеть ладью / Из далёкой страны, / Ту,

что душу мою / Унесёт через сны / В зачарованный мир, / Где живёт мой народ, / Где прозрачен Эфир / И лучист небосвод».

«Беседы с Омаром Хайямом», переводы из Дж. Толкина, «В дыму и пламени драконов», «Баллады о Робин Гуде», «Осень Грига», стихи о военных событиях Первой мировой войны, Великой Отечественной органически связаны с мировоззрением автора, с его видением мироустройства, он не равнодушен к судьбам ушедших героев, они стали легендами и мощной опорой современных нравственных устоев общества. Страна Зла, Мордора, погибнет, «А к людям, занятым войною, / Приходят эльфы иногда». Мордор, где живут орки, выглядит чем-то вроде муравейника, где нет места личности и свободе, где господствует жёсткая целесообразность, жуткая картина бесчеловечности и обречённость существования живого. Отдают сюрреализмом строки стихотворения «Мордор», напоминая людям о бдительности, о мире, о живом:

*В дыму и пепле горизонт,
А рёв из недр громовой
Над огнедышащей горой,
Как голос Рока, всем грозит
И над пустынями гудит.*

Есть в поэтическом дневнике Евгения Соснина две короны семистиший: «Осень», «Запечатление». Эта форма (септима) была создана англичанином Джеффи Чосером, называется поэтому «чосеровская строфа» или королевская. Он впервые ввёл в поэзию силлабо-тоническое стихосложение и рифмовки. У Соснина своеобразная рифмовка, пятистопный ямб с пиррихием во многих строках. Подобно венку сонетов, корона создана из семи стихотворений, сплетённых в единое целое восьмым – магистралом. Вот он из «Осени»:

*Кленовый лист со звоном опадает
Вермилионом на остывший рант,*

*Его звучание в мелодию вплетает
Летящий ветер – вечный музыкант.
Дымится даль, темнеют шпильи башен,
Орнаментальным золотом украшен
Рубиновый осенний фолиант.*

Если в «Осени» в гирлянде красок узнаём великолепие времени года: адамант, рубины, диамант, амарант, говор звёзд и «Чертог Лесной окрашен / Лимонным кадмием», «далёкий волчий вой» и «лунный лик», то в другой короне больше личностного участия, палящее дух не даёт покоя, данное извне – «источник негасимой боли», запечатление «ведёт за грань земной юдоли» / «В дремучий лес, что дремлет при луне, / И чьи вершины небеса вспороли Печальной готикой...».

*Всё прозрачно в палитре ярких дней
И так прозрачно пристальному взгляду:
Адажио минор нагих ветвей,
И самоцветы листьев тут же рядом.*

Лирик глубоко ощущает неуправляемое влечение «сердца волчьего», содержание соответствует зову неизвестного, магического, влекущего за пределы земной юдоли. «К чему любовь, коль есть запечатленье...», с этим вряд ли согласишься, но так ли это – покажет будущее творчество. В целом следует сказать о возросшем мастерстве поэта, умеющего в традиционных формах русской поэзии использовать разные размеры стиха. Стихи «Из астрономической тетради», как и другие, конечно, позволяют выявить некоторые приёмы создания «вторичной» реальности, общие для любого сказочного, «чудесного» повествования.

Мистическое и философское постижение реальности познаётся во сне, в мечтах и грёзах, здесь легко оживить неживое, превратить в иное состояние любое существо. Это

типично для многих писателей и поэтов (Жуковский, Гоголь, Гёте, Уайльд и др.), характерно и для творчества Е. Соснина («Мне снятся по ночам глубины мироздания», «Мне снятся горы...»), «Но грезится мне там...»). Магия волшебного захватывает, покоряет ум человека, творчество становится поистине безмерным и безграничным. Обычные вещи видоизменяются. Мир Соснина наполнен фантастикой разных мировых эпосов, он добр, не ужасает. Это – не хоррор. *«Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горным и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и возшло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным; если ослабевают или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее. Мыслью так.»* Это говорит Достоевский устами старца Зосимы. Есть о чём подумать... «Фантастическое составляет сущность действительности», – говорит писатель-психолог. Фантастика (греч. *φανταστικός* – искусство воображения) – эстетическая категория, выражающая характеристику множества не существующих в реальности объектов и процессов, рождённых творческим воображением художника. Фантастическое, его образы становятся своеобразным средством для выражения самых смелых догадок о скрытых возможностях действительности, о её потаённом смысле. Но в отличие от сверхъестественного, в существование которого человек склонен верить, фантастическое всегда остаётся для него продуктом свободной игры воображения, раскрывается через сказочный

сюжет, независимо от того, развивается ли он средствами музыки, живописи или литературы. Миф уступает сказке тем, что усиливает элемент реальности фантастического, обнаруживая свою связь с религиозным сознанием. У Соснина это не проявляется, он атеист. Его воображение говорит правду и одновременно ложь, разум иной раз бессилён. (Пример: мостик из стекла над пропастью! Пройдите по нему, почувствуйте всю слабость разума!)

Более активный характер носит творческое воображение, когда создаются новые образы, воплощаемые в оригинальные продукты творческой деятельности. Сюда относится, конечно, художественное творчество. Особый вид воображения представляет собой мечта. Мечта – деятельность воображения, состоящая в создании образов желаемого будущего. Важная роль мечты заключается в том, что она стимулирует к деятельности, создаёт творческий тонус и определяет жизненные перспективы. Всё идёт с детского возраста через игры, учебные занятия с получением знаний. Идейное содержание знаний и убеждений личности является мощным стимулом развития воображения. Этому способствует информация из разных источников – книг, фильмов, сериалов, опыта повседневной жизни... А также эти знания помогают индивидууму создавать целые миры, так получилось у Толкина. Так получается у Соснина.

Все изобретатели и представители искусства перед созданием чего-либо сначала составляли мечту о цели, а после – шаг за шагом её осуществляли. Именно так они творили шедевры. Воображению для создания чего-то нового требуется упорство и трудолюбие, чего у Евгения Соснина, думаю, достаточно.

«Воображение лучше знания», – говорил гений физики Альберт Эйнштейн, потому что в воображении можно при-

думать вещи, которые потрясут и изменят мир. Человечество всегда проявляло интерес к мистицизму, в том числе в живописи, скульптуре, музыке, алхимии, литературе. Вот несколько фрагментов из творчества современных художников.

Акварельные работы, созданные испанским художником Борхе Санчесом (Vorja Sanchez) – причудливая смесь, состоящая из выдуманных фантастических существ, динозавров, каких-то аморфных, но при этом безобидных монстров в сочетании с реалистично нарисованными птицами, порхающими в воздухе. Выдуманный им мир привлекает внимание зрителя яркими красками и симпатичными существами, такими похожими на различных насекомых, да вот только, видимо, все они, как минимум, с другой планеты. «Я создаю вымышленных персонажей, потому что настоящих, подобных мне, очень много. Поэтому мне не всегда удаётся изобразить их так, как они того заслуживают. А ещё мне нравится создавать стрессовые ситуации и необычные истории, приправляя ими реальность, тем самым искажая её. А после всё изменять, создавая полноценное спокойствие и первородный хаос».

Французский художник Эрик Ру-Фонтейн родился в 1966 году. Живёт и работает в Лионе. Подобно неясному сну, его картины, наполненные волшебными моментами, охватывают миры за пределами нашей реальности. В своих работах художник смешивает реалистичные и сюрреалистичные элементы, которые имеют место в нашей повседневной жизни и в наших фантазиях. «Каждый холст можно считать моей скромной попыткой вернуть очарование мира. Речь не идёт о магии. Просто взгляните на всё с другой точки зрения!» – говорит художник.

Кей Сейдж, она посвятила себя живописи и сохранению наследия Ива Танги, написала и опубликовала его каталог, продолжала рисовать, пока почти не потеряла зрение. Затем

она в основном сосредоточилась на своей поэзии. Некоторые из её стихотворений таинственны, темны и загадочны. Другие игривы, легки и юмористичны, стихи сохраняют эlegantность и загадочность её живописи.

Тарон Мурадян. «В первую очередь я желаю изобразить сказочный мир, которого не существует в нашей жизни», – так художник всегда говорит в интервью журналистам. Первые картины – период фантастический. Он считал, что должен достичь такого уровня мастерства, чтобы у зрителя рождалась убеждённость, будто он фотографирует сны. Этим-то и объясняется максимальная детализация, насыщение картины смысловыми элементами, что было также характерно для картин Здзислава Бексиньского.

Здзислав Бексиньский (Zdzisław Beksiński) – один из величайших польских художников за последние несколько десятилетий, фотограф и скульптор-новатор. Он получил известность в Западной Европе, Японии и США. Однажды он сказал: «Важно то, что появляется в вашей душе, а не то, что видят ваши глаза».

Но если картину мы видим, музыку слышим, то описанное словами можем лишь мысленно представить, понять разумом; мистическую же литературу важно воспринять не только пятью основными чувствами, но и шестым – душою. Идёт «бой в туманности», «меж звёзд вскипел смертельный бой». И в силу слов, и в ярость чувств мы верим поэту Евгению Соснину, переживаем трагедию, далёкую, но такую человеческую и близкую земному сердцу.

*На астероиде разбитый,
Погибший звездолёт лежит.
Во тьме над пультом управления
Пилот склонился без движенья –*

*Уснул навеки смертным сном,
В крови зелёной илем косматой
Закрыв огромной чёрной лапой.
И тишина царит кругом.*

В сборнике имеется отдельный раздел «СТАРЫМИ СЛОВЕСАМИ (опыты по древнему стихосложению)», где автор искусно демонстрирует не только разные поэтические формы (октава, канцона, ода), но и основу скальдического стиха – аллитерацию (повторы согласных звуков, сочетаний), мастерски показывает переключку рифм: середина – окончание – начало строки, чередование мужских и женских рифм (альтернанс). Древние поэты умело использовали не только повторы, но и разные размеры: дротткветт, тоглаг (хвалебная песнь) и др.

Самый распространённый из скальдических размеров – это дротткветт. Им сочинено пять шестых всей скальдической поэзии. Строфа дротткветта состоит из восьми строк, образующих две полустрофы или четыре двустипишия. По строю стиха полустрофы дротткветта совершенно одинаковы. В каждой строке есть внутренние рифмы (так называемые «хендинги»), считалось, что именно хендинги создают «красоту» размера. Дротткветт – размер трёхтактный. В каждой его строке шесть слогов, из которых три несут метрическое ударение. Распределение слогов, несущих и не несущих метрическое ударение, в строке могло быть различным, т. е. не укладываться в ямбическую или хорейскую схему, но предпоследний слог строки всегда должен был нести метрическое ударение (хорей). Возник обычай переплетать и втискивать друг в друга предложения (почему – это остаётся загадкой). Вынуждали переплетение предложений трудность и теснота дротткветта: необходимость соблюсти тройные аллитерации, полные и неполные внутренние рифмы и жёсткое число слогов в строке.

Дротткветтные хвалебные песни первоначально сочинялись для исполнения двумя певцами или хором на два голоса. Строфа могла распадаться на две партии. Исполнение на два голоса впоследствии вышло из употребления, но обычай переплетать предложения сохранился в дротткветте как омертвевшая форма. Это объяснение подтверждается, прежде всего, этимологией слова «дротткветт». По-видимому, оно первоначально значило «исполняемый дружиной» (dróttkvætt от drótt «дружина» и кве́да «исполнять»). Прелесть старых словес, и в том числе дротткветта, можно почувствовать во многих стихах «скальда» Евгения Соснина.

Уводит дорога от порога, от Родины.

Через волны и ветры, и Время, что вертится... «Руины»

Октябрь тёмный тени наводит,

С востока тучи и темень гонит... «Снежная нега»

Вот гаснут прекрасные краски заката,

Оранжево-рыжие россыпи меркнут. «Звёзды над водами»

Ленный лён сплетает в ленты,

Синих снов повсюду сонмы.

Человек печален веки,

Что ни вечер, то невесел... «Лунная песнь Линки»

Выразительны и образны повторы звуков, как известно, у Бальмонта, любимого поэта Евгения Соснина:

Полночной порой в болотной глуши

Чуть слышно, бесшумно шуршат камыши.

С лодки скользнуло весло.

Ласково млеет прохлада.

Несомненно, что во второй половине «дневника» эрудит и знаток древней поэзии добился высокого мастерства, здесь уже нет избитых рифм, желания собрать некую свою историю творчества, филологического налёта, он весь в поиске самого себя как поэта; его стихи наполнены мощной динамикой, автор вырабатывает свой поэтический почерк, умело применяет реминисценции из творчества других поэтов, ожидая, что его поймёт ближний, для текста подготовленный читатель. «Чему бы жизнь нас ни учила, но сердце верит в чудеса», – заметил Ф. И. Тютчев.

Такие стихи, как «Возвращение в таинственный лес», «Тени», «Бросселианд», дают уверенность, что пушкинская простота и ясность (есть такое ощущение!) приведут к созданию новых стихов, циклов и, может быть, поэм своего Средиземья. А знание древних мифов, надеюсь, приведёт к великолепному глоссарию имён. Ведь «не расскажут Короли / О временах Былой Земли: / О Тронах Древних, о Богах, / Драконах, битвах и делах / Уже давно минувших дней / До пробуждения Людей». И творчество великого Толкина даёт Евгению Викторовичу Соснину прочное основание для дальнейшего совершенствования в поэзии и создания, возможно, собственной поэтической мифологии.